

И. Ю. Котин

ТЕКСТ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ПОЭЗИИ ДАЛДЖИТА НАГРА

Значительные группы индийцев, пакистанцев и бангладешцев мигрировали в Великобританию, Канаду, США, другие страны, где возникли многочисленные общины выходцев из Южной Азии (подробнее см.: [Котин 2003; 2009]). На английском языке с примесью слов из хинди, пенджаби, бенгальского создается лирика индийской диаспоры — преимущественно песенная в стиле *бхангра*, известная в диаспоре как индийский *хип-хоп*, реже — собственно поэзия, ориентирующаяся на классические образцы, но вбирающая в себя темы и лексику языков Индии и опыт индийской диаспоры. Образцы последнего — стихи Далджита Награ, англо-панджабского поэта (родился в 1966 г.), лауреата нескольких престижных литературных премий, автора сборника поэзии «Look. We Have coming to Dover», выпущенного солидным издательским домом «Фабер и Фабер» в 2007 г.

Вкусы и интересы Награ не замыкаются на теме индийской диаспоры. Но нас интересует прежде всего она. И начинает ее разработку Далджит Награ с рассказа о первопроходце — первом индийце, оказавшемся в Англии и наладившем цепь миграции из родной деревни в Ангрезистан (т.е. в «страну ангрезов»), так в Южной Азии называют Англию. Итак, вот рассказ о «первопроходце»:

Прелюдия

Он первым из наших мест

Недорогим пароходом

Прибыл в Ангрезистан.

Год работы в две смены

И вот уже новый «Энфилд»

Красуется в его доме —

Черное с серебром.

Он был для нас как витрина,
 Мы же бросали байки
 У дома
 И шли послушать
 О быстрых деньгах рассказ.

И я пересек те воды,
 Как многие англичане,
 Прославившие свое имя
 Походами за моря.

Я добрался до дома
 Нашего первопроходца —
 Вот он, покрытый граффити,
 Старый сырой сарай.

Он бросил доску на ванну
 И назвал это спальней,
 Сказав, что у многих приезжих
 Нет и такого жилья.

А я ведь жену оставил
 И работу на почте
 В своей любимой деревне,
 Все это потому,

Что этот бывший пропойца,
 Сын уборщика улиц,
 Судя по его письмам,
 Здесь быстро разбогател.

Когда я его пытаю:
 Где же эта халява?
 Простая такая работа —
 На кнопки нажимать?

Он сквозь желтые зубы
 Неприятно смеется,
 Он сед, и глаза его впали —
 Проклятый ходячий труп...
 [Daljit Nagra 2007: 5]¹.

¹ Здесь и далее перевод И. Котина.

Неприглядная картина, не правда ли? Но и мир, в котором живет Далджит Награ, далек от идеального. Он родился в семье пенджабцев, тяжким трудом скопивших на домик в самом индийском из местечек Лондона — Саутхолле. Не его ли зарисовка дана в стихотворении Награ «Наш городок со всей Индией в нем»?

Наш городок в Англии вмещает всю Индию
С ее гурудварами, мандирами и мечетями,
Наш проспект желтеет не от униформ оранжестов,
Но от шафрана индусских флагов.
Наш апрельский Вайсакхи
Заглушает Пасху,
А безумье при полной луне —
Признак Ида
С его танцами до утра
И кухней тандури.
У нас костры Гая Фокса
Сливаются с огнями Дивали —
Праздника возвращения
Нашего Одиссея — Рамы
К своей по-пенелопьи преданной Сите.
У нас звучат хиты Болливуда
и ритмы Бхангра,
Передаваемые нашим «Санрайз Радио».
В магазинах звучат звуки ситара —
Там, где бренчали регги карибцев,
Где когда-то тусовались стилиаги...
На витринах наших кафе —
Баррикады шафранных сладостей
И джалеби, пропитанные сиропом,
Сплетающиеся в паутину, как наши кланы,
Наши прилавки отмыты от крови и мяса,
На них — масса баклажанов,
Ананасов, личи и манго.
Наши люди, идущие с фабрики,
Кормят английских лебедей чапатти,
Наши девы, возвращаясь из школ в униформе,

Мечтательно глазают на витрины с манекенами в облегающих сари,
 На штуки ситца и шелка на любой вкус.
 В нашем брачном агентстве мамаша
 Сбежавшей из-под венца дочери,
 Рыдает над роскошным альбомом
 С глянцевыми женихами со всей Индией в нем.

[Daljit Nagra 2007: 12–13].

Это стихотворение дает весьма подробную картину того, что увидит в Саутхолле каждый приезжий. Район Саутхолл населен почти исключительно индийцами, преимущественно панджабцами. Неудивительно, что здесь много мечетей, индуских храмов — мандиров — и особенно сикхских молельных домов — гурдвар. Священные для индусов и сикхов шафрановые одеяния, религиозные флаги и драпировки видны повсюду, сравниваемые здесь с желтыми цветами униформ «оранжистов» — сторонников твердой власти протестантского короля (королевы) — в пику позициям католиков — «папистов». Конфликт между ними характерен в настоящее время только для Северной Ирландии, где он до недавнего времени принимал форму Оранжевских парадов, провоцировавших порой крупномасштабные столкновения. В Саутхолле же все довольно мирно. Здесь даже кровь на разделочных досках мясных лавок давно стерта. Индусы преимущественно вегетарианцы. Не столь строгие вегетарианцы — сикхи также разделяют любовь к овощам и фруктам, обильно расставленным на лотках Саутхолла и заменившим здесь мясные туши и куски говядины и свинины. Индусский праздник Дивали по времени приблизительно совпадает с Ночью Гая Фокса, Пасха — с сикхским днем создания хальсы — Байсакхи. Отсюда сравнение формы их празднования. Кажется, увиденное нами — сплошной праздник, но Далджит Награ напоминает и о проблемах — о конфликте вследствие разницы ценностей в стране происхождения и принимающей стране. Горечью пропитаны такие стихи Награ, как «Саджид Накви», настоящий реквием по умершему другу.

Мы нашли нашего друга в Нисдене,
 В его комнатухе мертвым, удар сердечный

Он не перенес, и родня сердечно
Позвала нас в мечеть, где мы издали
Наблюдали, как нашего Саджа
Пакуют в гроб, убирают сажу
Усталости с лика, покрывают его глазурью,
Превращая его в яблоко или в глазунью.
Бедняга, он мог упрямо
Ночами считать задачки из Смита,
Теперь сердито
Кто-то бормочет бессчетное из Корана.
Его разведенная мать осталась в своей глуши,
Отец из Дарби все сделал от всей души,
Чтоб отправить сына на последний печальный пост —
В Суррей, в его глубинку, на шиитский погост.
Там звучали молитвы, а позже комья земли
Падали в глубину, откуда мы не могли
Забрать нашего Саджа...

[Daljit Nagra 2007: 10].

Вообще, в вещах, посвященных трудам и дням индийских иммигрантов, Далджиту Награ нравится роль рассказчика. Его стихотворения этого цикла — своеобразные истории из жизни. Об этом говорит и сам Далджит Награ в интервью, данном корреспонденту газеты «Гардиан»: «Я работаю в школе, я преподаю английский язык, я живу английским языком, дышу им все время. [При этом] часть меня также хочет быть индийцем. Мне действительно нравится писать об индийцах, индийскости. Я нахожу это очень высвобождающим. Все это, с чем ты вырос, вся эта интенсивность Индии должна найти выражение в чем-нибудь. Поэзия представляется лучшим средством для этого» [Barkham 2007]. Далджит Награ вкладывает истории в уста героев разного пола, возраста, профессии. Вот, например, история, рассказанная девушкой-пенджабкой, посетившей родину предков. У стихотворения эпиграф из «Тамерлана» Кристофера Мэрлоу: «I mean to cut a channel... that men might quickly sail to India»: «Я планирую прорыть канал... по которому можно было бы быстро доплыть до Индии». Примечательно, что таким каналом для героини Дал-

джита Награ стал «Аэрофлот» советского времени, дешево и скоро доставлявший индийцев из Лондона в Дели и обратно с остановкой в Москве. И так, вот история индийской невесты.

«Аэрофлот» на родину предков
За момент нас доставил,
Как по туннелю,
Сократив расстоянья,
И вот мы — дома.
Штурмом взят Джалландхар
С его базарами,
Ценами, сбитыми еще
Тетушкой из Уолсала,
С бутиками.
Мы разоряем их
С мамми. Она повела бровью
И кто-то с «фантой»
По кивку золотозубого босса
Крутится возле нас:
«Господи, благослови Вас, мэм-сахиб».
Но пинками
Я отгоняю его, как крысу,
Шпильками туфель.
Магазин обклеен портретами Мадхури Дикшит
И дуэта «Вэм».
Старые каталоги
Со следами разлитого чая
Пестрят красными сари
Для Великого дня
Перед Священной Книгой.
Это по мне! Сейчас!
Мне нравится это, мамми!
Подходящий дизайн, что
Подчеркнет красоту
Моих супердлинных ног!
Но портные
Так вялы, и мамми

Подгоняет их на чистом английском:
Что это? Нам нужны аж до пят —
Или нам идти к этим бритым индусам?
Отец был бы доволен, если бы слышал,
Но он вкалывает на цементном заводе.
Мухи-портные просыпаются,
Но время работает против них,
А мы обсуждаем в очереди
Таких же, как мы, англичан,
Экзотичные вещи в сотни каратов,
Раздолбанную дорогу в Саутхолл,
Который мы все оставили
Ради Харроу.
Местные глазуют на нас,
Но мамы ослепляет их золотым блеском
Своего «Ролекса», усыпанного
Бриллиантами. Интересно, ее родня
Еще прозябает здесь, в этих отбросах,
В этой вони?! Мы же спешим упаковать
Наши покупки: баулы, мешки, чемоданы,
Отдаем их рикше со словами: «Джалди!
Джалди!» Быстрее в Британию!
Вон отсюда! По дороге бросаем пенни
Чему-то безногому, валяющемуся у дороги...

[Daljit Nagra 2007: 8–9].

По стихам Далджита Награ можно было бы проследить географию индийского расселения в Англии. Уолсал — рабочее предместье Бирмингема. Саутхолл — «маленькая Индия» в графстве Мидлсекс, фактически район Большого Лондона. Харроу — престижный лондонский район, где стараются селиться наиболее благополучные индийцы. Нисден из предыдущего стихотворения, — также район индийской концентрации, место расположения знаменитого индусского храма Шри Лакшми Нараян. В этих районах женщины ходят в широких штанах *шалъвар* и рубашках *камиз*, а мусульманки нередко и в парандже. Мужчины-сикхи часто носят тюрбаны, не стригут бород. Но это все характерно

для представителей старшего поколения. Молодежь же разрывается между семьей и школой, затем университетом и офисом, где другие жизненные установки, одежда, запахи, стиль поведения. Порой молодые индийцы стесняются своих родителей. Чувства одного из таких панджабских мальчиков, впоследствии переживавшего вынужденную двойственность поведения, выражает Далджит Награ в стихотворении «В городе белых». Заметим, что здесь явное противопоставление «города белых» «нашему городку со всей Индией в нем». В первом случае речь идет о преимущественно «белом» районе Лондона или другого британского города, в нем женщина в шальвар-камиз, мать лирического героя, от лица которого идет рассказ, — явление необычное. Вот этот рассказ, исполненный глубоких переживаний героя за разлад, выванный «чужестью», «потусторонностью» его мира и мира его матери.

Со своим камизом и в широченных штанах
Как была она непохожа на остальных мамаш!
Видя такую маму, и мне говорили: «Не наш!»
Оглядываясь на нее, слыша странный запах
Карри, видя ее жирный волос пробор,
Розовые сандалии. Все это — приговор.
Я задергивал шторы, обливал холл
Английским спреем лаванды, дверь открывать не шел.
Если родителей звали, записки в ведро бросал.
Даже когда пытали — адрес не выдавал.
Я бы чувствовал себя здесь дома,
Но стеснялся знакомых,
Видевших ее на рынке, задевавшую там
Своим неуклюжим телом английских дам.
Даже в библиотеке, где я делал уроки,
От нее не спрятаться, как от мороки.
Она приходила за мной, заглядывала в окно,
Пока не найдет меня, но нас разделяло стекло.
А если мы были вдвоем, она смеялась
Над моим неуклюжим панджаби: «Еще ведь малость
И ты станешь “белым” — истинным “гора”,

Лишь невеста из Индии спасет тебя от позора».
Что же нынче я, когда ее навещаю,
Иное смущение ощущаю?!
Она хочет обнять меня — сердце дрогнет!
Я хотел бы броситься милой в ноги!

[Daljit Nagra 2007: 18–19].

Здесь оба героя — и рассказчик, и его мать — жертвы временного и, быть может, сомнительного успеха, принесенного иммиграцией, раскола между миром представлений матери, впитанных ею в Индии, и миром образов, системой ценностей сына, родившегося или выросшего уже в Англии. Жертвами могут стать и жених и невеста, столь часто в Англии в южноазиатских семьях в первый раз видящие друг друга только на свадьбе. Хорошо известное в Индии, Пакистане, Бангладеш явление *arranged marriage* — брак по сговору родителей — сохраняется в южноазиатских этнических анклавах Лондона, Бирмингма, Манчестера, Ковентри, Лидса, Вулвергемптона. Об этом рассказ Далджита Награ, переданный от лица жениха.

Брак по неволе (по воле родителей)

Вопреки моей воле
Моя глотка получила
Изрядную порцию ладду
В сладком сиропе. Мама,
Накормив меня сладким,
В переполненном храме
Из крокодиловой сумки
Вынула кипу банкнот
И их дождем
Освятила церемонию,
Снимаемую на видео,
Затем и на невесту
Пролился денежный дождь,
А бабушка
Вогнала мне в рот

Новую партию ладду,
 Так, что крошки
 Пролились подаяньем для мух,
 А священник
 Начал читать молитву,
 Так что всем пришлось встать,
 Зомбируя меня и невесту,
 Чьи движения повторялись
 В замедленном ритме
 В кадрах видео,
 Где пони и обезьяны
 Сменялись новобрачными.
 Воздух пропах лавандой от моли,
 И плыл, как сироп,
 И в нем все двоилось.
 Я молча сидел в ожерелье цветов,
 Надев на тело необычных цветов
 И фасона одежду, закопав в тюрбан
 Голову и надежду, я слышал «Бам-бам» —
 Звуки гармонии. И тут мой дед,
 Потерев ладони,
 На своем высокопарном индийском
 Вопросил: кто говорил
 Что молодежь не ест нашу старую еду?
 А вы видели, как мой внук уплетает ладду?
 [Daljit Nagra 2007: 20–21].

Ладду, как и джелеби, — приторно сладкий пенджабский десерт, предмет гордости одних, неприязни других, здесь же шуточно символизирующий приторную слащавость церемонии, в которой только главных героев — жениха и невесту — не спросили об их желании вступать в брак и угощаться ладду.

Впрочем, браки по соглашению могут оказаться счастливыми, что, однако, не защищает от проблем детей, рожденных в этих браках и вынужденных приспособляться к существованию в двух мирах, как это делает, например, сикхская девочка Рупиндер, от лица которой написан следующий стих Даджита Награ.

Мы с отцом смотрели по видео
Нашу классику — «Амар, Акбар, Антони»
О трех братьях, украденных гангстерами
(Есть кассеты с субтитрами, мисс).
И вот Антони, усыновленный католиками,
Молит Мадонну найти родителей,
И когда он начал молитву: «О дева Мария, О дева Мария? О...» —
Я не выдержала и тоже бросилась на пол:
«О дева Мария, О дева Мария? О...» —
Крестясь, как он, и совершая поклоны.
Отец взглянул на меня и постучал по тюрбану,
Так, что я подумала, что тюрбан разматается,
Как бывает, когда отец потирает виски,
И лицо его побагровело. Он погрозил мне:
«Ты решила, что жена Белого бога — твоя мать, идиотка!»
Папа бывает странным. Иногда он даже кричит
И грозитя отдать меня с сикхскую школу,
Настоящую школу, мисс.
Поэтому я сделала то, что делает в храме мой кузен Ашок,
Когда все, закончив молитву, повторяют в школе:
«О дева Мария, О дева Мария? О...»
Он представляет вместо одного Вашего распятого Бога
Золотой Храм и десять наших бородатых богов, и,
Как все мы в воскресенье, мычит:
«Вахе Гуру, Вахе Гуру!»
Вот так...

[Daljit Nagra 2007: 30–31].

И все-таки напряжение в семьях индийских иммигрантов велико из-за различий в ожиданиях и возможностях.

Примечательно, что тема свободы, свободы выбора, «свободной любви» — одна из самых острых именно в южноазиатских общинах Великобритании, в которых по-прежнему норма — брак по соглашению. Для южноазиатской молодежи представители других этнорасовых групп являются предметом подражания, зависти. Например, пенджабской девушке, героине Далджита Награ, ее чернокожая преподавательница английского языка пред-

ставляется образцом эмансипированности и успеха. Это мисс Виктория, предмет восхищения пенджабской девушки Джасвиндер из истории «Jaswinder Wishes it was Easy Being Black». Напоминаю, что «черный» — официальная категория этнорасовой номенклатуры в Британии, применяемая и в переписях населения.

Джасвиндер думает, как хорошо бы было быть «черной»

Мама выкормила меня на рынок невест,
Я стала большая, как та телка
С ожерельями на нашем календаре.
Теперь мать заставляет меня
Притворяться застенчивой и грозит мне пальцем,
Когда я играю походкой, как мисс Динамит,
Когда подаю чай и мамин особый «бомбейский микс»
Потенциальным женихам, строящим мне глазки,
Пожирающим меня взглядами.

Наша учительница английского мисс Виктория,
С голосом Майи Анжелу и Тони Мориссона,
Чьи песни она поет, задрав голову,
Она просила нас описать наши воображаемые дома —
Там, в Индии, наши глинобитные хижины на родине,
Где лишь единицы из женщин живут, как им вздумается...

Иногда я думаю, как хорошо быть «черной».
Черные — это смелые женщины,
Они могут за себя постоять, как и белые женщины.
Мисс Виктория болтает по-английски со всеми своими знакомыми,
Мисс Виктория после работы принадлежит сама себе.
Мисс Виктория, она, не-а, не обязана беречь честь родителей.
Мисс Виктория по вечерам ходит в клубы. Мисс Виктория
Правит балом и сводит с ума парней,
Бредящих стихами на их разбитых, как сердца, телефонах.
Мисс Виктория проносит свое тело в обтягивающей форме
И свои ярко накрашенные губы сквозь лондонские дома
Прямо на остров своего жилья.

к стихам Мэтью Арнольда, к поэзии Хью Одэна и то же время некоторой неправильностью намекающим, что перед нами — «одиссея» иммигранта, «прибывшего» в Англию, символом которой издавна были белые скалы Дувра. Впрочем, несмотря на пенджабские корни, автор — родившийся в Англии британец.

Библиография

Котин И.Ю. Побег баньяна: миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. СПб., 2003.

Котин И.Ю. «Тюрбан» и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб., 2009.

Daljit Nagra. Look. We Have Coming to Dover. L., 2007.

Barkham P. The Bard of Dollis Hill // The Guardian. Thur. 18 January 2007.